

БАЛУМ ПАТРОВ

ВОЙНЫ НАЧИНАЮТ НЕУДАЧНИКИ
КОМАНДОР ВОЙНЫ

АТАКА ПО ПРАВИЛАМ
ВСЕ ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ
НАЛОЖНИЦЫ НЕНАВИСТИ

КУКОЛКА ПОСЛЕДНЕЙ НАДЕЖДЫ
ТЕНЬ ИНКВИЗИТОРА

КАФЕДРА СТРАННИКОВ
КОРОЛЕВСКИЙ КРЕСТ

ЦАРЬ ГОРЫ
ДЕНЬ ДРАКОНА

ЗАПАХ СТРАХА
РЕБУС ГАЛЛА

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ
В КРУГЕ ВРЕМЕН

ДИКИЕ ПЕРСЫ
ЗЕЛЕНЬ ГАМБИТ

ПОЦЕЛУЙ УРОБОРОСА
НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКАНОВ

Вадим Панов

ТАЙНЫЙ ГОРОД

И в аду
есть герои

Наложницы
Ненависти

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 И в аду есть герои. Наложницы Ненависти / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2019. — 736 с.

ISBN 978-5-04-099789-3

Москву наводнил новый наркотик — «стим». Попробовав его, Вероника Пономарева осознает, что она — наложница Великого Господина Азаг-тота — воплощенной ненависти этого мира. С помощью новообретенной силы Вероника открывает врата в Великий Бестиарий, чтобы выпустить Ктулху — одного из слуг своего господина и начать возрождение Гипербореи...

И вот к расколу между Великими Домами добавляется извечная вражда против Гипербореи — древнего царства ненависти. Каждому в этой войне придется заплатить свою цену, какова бы она ни была. Только наемники и Навь способны извлечь выгоду из бойни, которую потом назовут «Лунной фантазией»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099789-3

© Панов В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

И В АДУ ЕСТЬ ГЕРОИ

ПРОЛОГ

**Москва, ВНИИПВВЧ при АН СССР,
1989 год**

— И сколько раз он уже сделал это? — зачарованно спросил Монастырев.

— Не считал, — честно признался ассистент, — точнее, сбился. Но он не слезает с турника тридцать минут.

— Невероятно.

Они сидели за столом перед огромным, во всю стену окном, открывающим вид на большой зал. Штанги, тренажеры, внушительных размеров гантели, гири — в зале было собрано «железо», которому позавидовал бы любой спортивный клуб, а в центре возвышался турник, на котором сноровисто подтягивался среднего роста голый по пояс мужчина, щедро расписанный синими уголовными татуировками. Его телосложение никак не соответствовало понятию «атлет».

— Показатели? — словно подопытный мог услышать через плотное стекло, поинтересовался Монастырев.

Датчики были закреплены прямо на теле уголовника, и тонкие провода шли на расставленные в зале многочисленные приборы. Ассистент бросил взгляд на самописцы:

— Он едва начал уставать.

— Невероятно, — повторил Монастырев. — Когда был сделан последний укол «ратника»?

— В субботу.

— Два дня назад! И эффект наблюдается до сих пор!

— Это прорыв, Геннадий Прокопьевич. — Ассистент восхищенно посмотрел на Монастырева. — Это гениальное достижение! Это...

— Это только начало, — прошептал Монастырев, — это только начало.

Уголовник продолжал подтягиваться с равномерной неторопливостью механического поршня. Вверх-вниз, вверх-вниз, вверх... Его лицо, невидимое наблюдателям, было угрюмо, а по низкому лбу медленно стекала первая струйка пота.

— Ну, и на какой стадии разработок мы сейчас находимся, любезнейший Геннадий Прокопьевич? — Горелик, толстый, рано облысевший заведующий лабораторией, вальяжно развалился в кресле, неподвижно уставившись на подчиненного круглыми навывкате глазами.

— Я... то есть мы сейчас как раз проходим третий этап испытаний, — сбивчиво сообщил Монастырев. — Подопытные, как вы, Савелий Исаакович, знаете, принимают препарат в течение трех недель, и утвержденный план-график предполагает...

— Знаю, знаю, — зевнул Горелик. — Третий этап включает шесть недель непрерывного приема препарата и еще шесть недель последующих наблюдений.

— Да, — облегченно выдохнул Монастырев.

Невысокий, хрупкий, с невыразительным лицом, главным украшением которого были, несмотря на возраст, юношеские прыщи, Геннадий Прокопьевич производил впечатление задерганного клерка, непрерывно ожидающего очередной головомойки «на ковре». За что? Да ни за что, просто потому что подвернулся. Каждый вызов к начальству был для Монастырева психологическим шоком, и Савелий Исаакович прекрасно об этом знал.

Скромный в быту, замкнутый, одинокий Монастырев не интересовался ничем, кроме науки, и вполне мог стать светилом, если бы не врожденная неуверенность в общении с людьми. Геннадий Прокопьевич панически боялся публичных выступлений, был патологически не способен на словах доказать свою точку зрения, не обладал той долей здоровой наглости, которая необходима для продвижения любых, даже самых замечательных идей. Именно поэтому при всем своем таланте Монастырев до сих пор служил доцентом на мелкой должности заведующего сектором лаборатории в закрытом НИИ, обслуживающем интересы имперской армии.

— Проект «Ратник», — с хорошо отрепетированной «научной» задумчивостью произнес Горелик. — Каковы последние результаты?

Завлаб только вернулся с симпозиума в Варне, был весел, загорел и жаждал досконально разобраться в поднадзорном учреждении, «окунуться», так сказать, в научные изыскания.

— Результаты самые замечательные, — занервничал Монастырев. — Потрясающие перспективы! Через неделю после начала приема препарата у подопытных вдвое сократилось время сна! При этом их работоспособность повысилась в три раза! Наблюдается резкое увеличение по таким показателям...

— В первую очередь заказчиков интересует изменение физических возможностей, — веско заметил Горелик. — Последние события, в частности война в Афганистане, наглядно продемонстрировали, что Советская армия крайне нуждается в высококачественном и не вызывающем привыкания стимуляторе.

— Он у нас будет, Савелий Исаакович, будет! Проект «Ратник» — это будущее фармакологии! Под действием нашего препарата мышечная активность подопытных поразительно увеличилась! Сейчас они с легкостью справляются с нагрузками, которые раньше воспринимали как невозможные!

— Очень хорошо, — с прежней «задумчивостью» протянул заведующий лабораторией, — очень хорошо. Но вот первая неудача...

— Это в прошлом, — испуганно пролепетал Монастырев. — Мы же обсуждали это, Савелий Исаакович! Первая разработка «ратника» была слишком грубой, отнимала у клеток слишком много энергии. Именно этот факт и приводил к преждевременному старению. Клянусь, мы учли все ошибки!

— Надеюсь, — буркнул Горелик.

С первыми испытаниями «ратника» возникли серьезные неприятности: всего через неделю после начала ежедневных уколов двадцать отборных парней из спортроты военного округа превратились в трясущихся стариков, с мышечной атрофией и стремительно деградирующей нервной системой. Начиналось все тоже замечательно: повышение активности, уменьшение времени сна, выносливость, работоспособность,

а закончилось двадцатью трупами. Скандал удалось замять с большим трудом, но тему сохранили — слишком хорошими оказались результаты первичных испытаний «ратника». Фармакологам вынесли устное предупреждение и велели добиться результатов. Правда, наученные горьким опытом военные отказались предоставить для следующих испытаний «комсомольцев-добровольцев», пришлось довольствоваться уголовниками, но это даже к лучшему: в осужденных разрешалось вкалывать все, что угодно, и в каких угодно количествах.

«А хорошо, что хмырь до сих пор боится, — подумал Горелик, глядя на поникшего Монастырева. — Хорошо, что он понимает, кому обязан своим благополучием».

Проект «Ратник» Савелий Исаакович спасал не только для того, чтобы удержать при себе теплое кресло заведующего лабораторией и членство в передовом отряде строителей коммунистического завтра — для спасения было достаточно отдать на растерзание провинившегося завсектором. На самом деле Горелик интуитивно, по-звериному чувствовал, что скромный Монастырев оказался на пороге выдающегося открытия, и вцепился в него мертвой хваткой. Увы, сам Савелий Исаакович в фармакологии разбирался весьма поверхностно, «красный» институтский диплом получил благодаря сидению в комитете комсомола, кандидатскую писал в соавторстве, а докторскую собирался вытянуть с помощью незадачливого завсектором.

«А может быть, и Нобелевскую...»

— Не мне вам рассказывать, любезнейший Геннадий Прокопьевич, о том сложнейшем международном положении, в котором оказалась наша страна. — Завлаб поучительно выставил вверх палец. — В эти трудные времена от нас с вами, да-да, любезнейший Геннадий Прокопьевич, это не высокие слова, от нас с вами зависит судьба Родины...

Монастырев тоскливо посмотрел в окно. Обуздать вошедшего в раж Горелика не представлялось возможным. Савелий Исаакович умел говорить ни о чем часами, плавно переходя от международного положения империи к производственным показателям вверенной ему лаборатории и обратно, ловко увязывая глобальные политические тенденции с планами-графиками, своевременной уплатой партийных взносов и участием в институтской самодеятельности.

— Каждый честный советский человек обязан ударным трудом подтвердить свое высокое звание строителя коммунистического общества...

Геннадий Прокопьевич закусил губу — разошедшийся Горелик затронул очень чувствительный для Монастырева вопрос. В последнее время скромный заведующий сектором, никогда не интересовавшийся ничем, кроме науки, с ужасом наблюдал за проходящими в стране митингами, с тоской читал «демократические» публикации, охаивающие все достижения империи, и с неподдельным страхом ждал, чем закончится это «пиршество духа». Современность безжалостно перечеркивала его жизнь, цинично посмеивалась над внедренными в сознание идеалами, грубо выбивая из-под ног привычную и твердую почву.

— Надеюсь, любезнейший Геннадий Прокопьевич, вы, как коммунист, как советский человек, понимаете сложность момента?

Отвлечшийся на собственные чувства Монастырев пару секунд тупо смотрел на Горелика, пытаясь осознать вопрос, а затем послушно кивнул:

— Конечно, Савелий Исаакович.

— Тогда идите, — царственно взмахнул рукой Горелик. — И еще. Занесите мне все материалы по проекту «Ратник». Я хотел бы более тщательно ознакомиться с результатами последних исследований.

— Конечно, Савелий Исаакович.

Выйдя из кабинета, Монастырев осторожно прикрыл за собой дверь, облегченно передохнул и тут же вздрогнул: громкий вой сирены наполнил пустой коридор института.

— Тревога! Тревога! Завсектором Монастыреву срочно прибыть на рабочее место!

— Что случилось? — Из кабинета вылетел Горелик.

— Нарушение режима безопасности! Завсектором Монастыреву срочно прибыть на рабочее место!

По коридору, на ходу расстегивая кобуру, бежал офицер внутренней охраны.

ГЛАВА 1

«Сегодня днем Общественный комитет «Народ против Остапчука» получил существенную поддержку: мэр Москвы заявил о том, что полностью разделяет позицию комитета и приложит все усилия для достижения заявленных им целей. Напомним, что Общественный комитет «Народ против Остапчука» добивается, чтобы, несмотря на объявленный Россией мораторий, в отношении Поволжского Людоеда была применена смертная казнь. На сегодняшний день комитетом собрано свыше шести миллионов подписей по всей стране, которые будут представлены Президенту...» («Известия»)

«Как отмечают наблюдатели, широкие торжества, посвященные двухсотлетию великого магистра Ордена Леонарда де Сент-Каре были в первую очередь призваны продемонстрировать Тайному Городу мощь Великого Дома Чудь, что в принципе вполне соответствует хвастливому характеру доблестных рыцарей. Приглашенных на церемонию в Замок особенно впечатлил парад гвардии, в котором приняла участие половина боевых магов Ордена, но который тем не менее...» («Тиградком»)

**Муниципальный жилой дом.
Москва, улица Люсиновская, 29 июля,
воскресенье, 22.31**

Несмотря на прекрасно проведенный день, а может быть, как раз из-за этого сон не приходил.

Воскресенье прошло очень весело. С самого утра родители повели Настю в Парк культуры, позволили от души по-

кататься на каруселях, накормили мороженым и закупили целую охапку разноцветных воздушных шаров. Затем, наскоро пообедав (даже не стали настаивать, чтобы Настя доела суп!), всей семьей отправились на пляж и вернулись домой затемно. После ужина Настя посмотрела мультики, послушала очередную папину сказку (папа классно рассказывает сказки, гораздо лучше мамы, но только по воскресеньям) и уже почти заснула... Но сон не приходил.

Какое-то время Настя ворочалась, пытаясь поудобнее устроиться под одеялом, но это не помогало, и в конце концов девочка решила, что надо сходить в туалет. Для этого ей не требовалось будить родителей: ведь она уже взрослая, целых шесть лет, и в этом сентябре пойдет в школу. Настя выбралась из кровати, набросила халатик — если мама увидит ее в одной ночной рубашке, то наверняка рассердится — и осторожно выглянула в коридор.

В квартире было тихо и темно, но не настолько, чтобы испугать взрослую девочку. Настя сделала несколько шагов к уборной и остановилась — дверь в спальню родителей была открыта. Они тоже не спят? Девочка заглянула в комнату.

Папа лежал на спине, подложив под голову руку, а в его правый бок упиралась голова мамы. Девочке уже доводилось видеть спящих родителей, и картина, которую она увидела сейчас, ничем не отличалась от обычной. То же мерное дыхание, те же расслабленные тела... Вот только над кроватью нежно переливалось легкое, едва заметное, голубоватое сияние, словно кто-то рассыпал над головой родителей снежинки и подсветил их фонариком.

Сон пропал окончательно. Несколько секунд Настя удивленно смотрела на странные блестящие искорки, а затем медленно подошла к родительской кровати и прикоснулась рукой к ноге отца.

— Папа!

Ответом ей стало лишь безмятежное похрапывание.

— Папа!

— Они просто спят.

Настя ойкнула, резко повернулась на голос и снова ойкнула, изо всех сил вцепившись в ногу отца.

В дверях спальни стоял высокий румяный старик с длинной, до пояса, седой бородой и в красном тулупе. На голове

старика была отделанная мехом шапка, а в руке он держал позолоченный посох.

— Они просто спят, — повторил старик густым, но очень добродушным голосом. — Это я так сделал.

Настя была достаточно взрослой, чтобы понять, что перед ней стоит Дед Мороз. Тем не менее эту мысль следовало проверить.

— Ты кто? — поинтересовалась девочка, не отпуская ногу отца.

— Дед Мороз, — не стал разочаровывать Настю гость.

— Сейчас лето, — подумав, сообщила девочка и недоверчиво прищурилась. — Что ты делаешь здесь?

— Летом я путешествую, — усмехнулся в усы Дед Мороз, — и ищу хороших девочек, которые зимой станут Снегурочками. Ты хочешь стать Снегурочкой?

— Я уже была Снегурочкой, — чуточку свысока ответила Настя. — Странно, что ты этого не помнишь. На елке в детском саду.

— Гм... — Дед Мороз смущенно кашлянул.

— Я знаю, почему ты этого не помнишь. — Девочка освоилась и спокойно взобралась на родительскую кровать. — Потому что в детском саду был не ты, а дядя Петя, наш дворник. Это он переоделся Дедом Морозом. А ты настоящий?

Слегка растерянный гость оглядел свой костюм и почесал в затылке:

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что настоящий, — решила девочка. — Потому что дядя Петя не умел вот такие искорки делать. — Она кивнула на голубое сияние. — Он только елку сумел включить, а она электрическая.

— Логично, — пробормотал настоящий Дед Мороз. — Я дядю Петю специально к вам послал... э-э... потому что... э-э... не успевал...

— Мы не обиделись, — великодушно махнула рукой Настя. — Нам все равно было весело.

— Рад, что все э-э... так хорошо получилось, — выдохнул Дед Мороз и зачем-то посмотрел на часы.

В спальне вновь воцарилась тишина, украшенная дыханием и похрапыванием спящих родителей. Девочка, запрокинув белокурую голову, любовалась сиянием, а Дед Мороз переминался в дверях.

— А зачем ты приехал? — спросила Настя.

— Я... — Дед Мороз опомнился. — Я... э-э... путешествую и иногда катаю послушных детей на своей сказочной повозке. Ты была послушным ребенком?

— А повозка действительно сказочная?

— Самая настоящая, — подтвердил Дед Мороз и снова бросил взгляд на часы. — Посмотри в окно.

Настя спрыгнула с кровати, подбежала к окну, отдернула штору и восхищенно замерла: прямо за стеклом в воздухе висела расписная повозка, запряженная шестеркой белых оленей.

— Ух ты! — не удержалась девочка. — А почему она не падает?

Что такое восьмой этаж, ребенок уже понимал.

— Потому что я — Дед Мороз. — Ночной гость протянул Насте руку. — Хочешь покататься со мной?

Девочка кивнула.

Москва, институт им. Сербского, 29 июля, воскресенье, 22.32

— Остапчук! — Надзиратель неприязненно смотрел в маленькое зарешеченное окошко. — Заключенный Остапчук, встать в центр камеры!

Тишина.

— Остапчук...

— Убью, сука!!!

Оскаленная морда арестанта резко вынырнула снизу. В лицо надзирателю ударило смрадное дыхание, брызнула слюна, перед глазами мелькнули крупные желтые зубы.

— Убью!!!

Когда-то давно, когда Василий Румянцев только пришел на службу, подобные фокусы еще заставляли его отскакивать от дверцы камеры, выводили из себя. Теперь ничего, привык. И даже то, что кривлялся перед ним самый настоящий зверь, не заставляло пульс надзирателя биться чаще. Работа есть работа.

— Остапчук, встать в центр камеры!

Мы поедем, мы помчимся
На коленях утром ранним...